

УДК 239

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.128>

Аксиологические установки в интерпретации рационального и иррационального в трудах представителей латинской апологетики

Р. Р. Баландина, Е. В. Кузьмина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Продемонстрированы существенные различия в области восприятия рациональности и иррациональности в трудах древнегреческих философов и философов периода латинской апологетики. Проведен компаративный анализ трудов античных и латинских философов. Установлено, что греки решали вопрос о соотношении рационального и иррационального в онтологическом ключе, в то время как латиняне смещали акцент данной проблематики в аксиологическую плоскость. Структурно работа представляет собой соотнесение трех примеров онтологической направленности языческой философии с тремя примерами аксиологической направленности латинской теологии периода апологетики. Методология исследования базируется на сочетании историко-функционального и компаративного анализа. Методологической основой данного исследования являются труды Н. С. Мудрагей, в которых была доказана правомерность использования понятий «рациональное» и «иррациональное» применительно к античной философии, а также труды Г. Г. Майорова, впервые предложившего рассматривать латинскую апологетику как систему, имеющую четкую интенцию в движении от эллинофилии к эллинофобии. Теоретической основой исследования стали труды древнегреческих философов, а также сочинения Лактанция, Арнобия, Тертуллиана и Минуция.

Ключевые слова: разум, вера, рациональное, иррациональное, апологетика, аксиология, онтология.

Для цитирования: Баландина Р. Р., Кузьмина Е. В. Аксиологические установки в интерпретации рационального и иррационального в трудах представителей латинской апологетики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 128–137. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.128>

В богословии одним из наиболее дискуссионных является вопрос о соотношении веры и разума. Дж. Реале и Д. Антисери связывают данный факт с «революционным смыслом библейского послания», само появление которого разграничило три возможные позиции в отношении к разуму и вере [2, с. 174]. На наш взгляд, наиболее ярко революционный смысл послания может быть представлен при сопоставительном анализе понимания рацио-

нального и иррационального в античной философии и философии периода латинской апологетики. Несмотря на то что Г. Г. Майоров говорит о значительном спаде культурного уровня латинской апологетики по сравнению с греческой [7, с. 27], мы можем констатировать, что в латинский период апологетика приняла наиболее устоявшуюся форму. Наш тезис заключается в том, что именно латинский период демонстрирует парадигмальный сдвиг в проблеме соотношения рационального и иррационального: от онтологического способа рассмотрения проблемы (через существование двух миров) апологеты переходят к аксиологическому способу (через существование различных ценностных установок).

Несмотря на то что «проблема рационального и иррационального была эксплицитно сформулирована и осознана лишь в Новейшее время, <...> имплицитно она присутствовала в философии на протяжении всей ее истории», – пишет Н. С. Мудрагей в «Очерках по истории западноевропейского иррационализма» [9, с. 13]. Возможно, данный тезис является преувеличением, однако тот факт, что многие философы констатировали дуализм между миром чувственным и сверхчувственным, заставляет нас принять утверждение, что проблема иррационального в философии действительно началась с досократиков. Ряд примеров позволяет нам считать, что античная философия решала проблему рационального и иррационального через противопоставление двух миров.

Пример 1. Наличие «двух миров» в полемизирующих философских концепциях досократиков. В истории западноевропейской философии конфликт между крупными школами имел место еще в философии досократиков: речь идет о споре между метафизиками и диалектиками. Первую школу представляли элеаты, а вторую – Гераклит и последователи философии всеобщего становления. Антагонизм древнегреческих философов подчеркивает Б. Рассел: «Греки не были склонны к умеренности ни в своих теориях, ни в своей практике. Гераклит утверждал, что все изменяется. Парменид возразил, что ничто не изменяется» [11, с. 65]. Метафизика Парменида является первым в истории западноевропейской философии примером рационализма, в том случае если под рационализмом мы согласимся понимать отказ от чувственно воспринимаемого опыта в пользу построений разума. В противоположность метафизике Парменида диалектика Гераклита была призвана показать противоречия, появляющиеся при попытке определить чувственно воспринимаемый вечнотекущий мир с помощью застывших понятий.

Таким образом, спор между Гераклитом и Парменидом свидетельствует о столкновении двух философских установок, которые под «истинным миром» соглашались понимать либо чувственно воспринимаемую действительность, либо реальность построений разума.

Пример 2. Наличие «двух миров» в философской системе Платона. Концепции Гераклита и Парменида преломляются в философии Платона, который утверждает, что имеется два мира: чувственный и сверхчувственный. Платон не использует понятий «рациональный» и «иррациональный» мир, однако тот факт, что философ отдает предпочтение умопостигаемому, называя чувственно воспринимаемый мир лишь бледной копией идеально-

го, позволяет сделать следующий вывод: мир платоновских идей – основание для познания, а следовательно, он может быть соотнесен с миром рациональным. Мир «бледных копий», в котором Гераклит видел вечное становление, в свою очередь, может быть соотнесен с некой иррациональностью.

Н. С. Мудрагей пишет, что «материя, лишенная формы и содержания, представляет собой в философии Платона чистую иррациональность, противоположную разуму, чистой рациональности. Синтезом рационального и иррационального становится чувственный мир и соответствующий ему чувственный способ познания» [9, с. 17]. Исследователь, таким образом, предлагает под «иррациональным» понимать тот мир, который представляет собой материю без содержания и формы, т. е. «то, из чего сделан мир».

Пример 3. Критика существования «двух миров» в философии Аристотеля. Любопытно отметить, что мир идей, который Платоном признавался как в высшей степени рациональный и конечный, Аристотель критикует за бесконечность и неразумность [3, с. 60]. Если основанием для познания человека является идея человека, то основанием для познания идеи человека будет являться идея идеи, что ведет к бесконечности мира идей, а значит, к невозможности существования «второго мира». Справедливости ради отметим, что сам Платон считал мир идей конечным на том основании, что не все понятия удостоены называться идеей. Спор между Платоном и Аристотелем о наличии или отсутствии мира идей отражен в диалоге Платона «Парменид» [10, с. 275].

Итак, философские идеи и критика этих идей строятся на одних и тех же основаниях: все приведенные выше примеры демонстрируют, что в античной философии проблема рационального и иррационального имела именно онтологический аспект.

Следующий этап исследования предполагает описание учения стоиков в контексте проблемы рационального и иррационального. Подобное описание позволит проследить траекторию перехода от онтологического способа решения проблемы к аксиологическому. Учение стоиков, несомненно, имеет греческие корни и играет важную роль в формировании христианской философии. Именно поэтому философию стоиков можно рассматривать в качестве своеобразной «буферной зоны», в которой основные интенции решения проблемы рациональности/иррациональности будут явно представлены. Мы считаем, что данный процесс можно схематически представить в виде трех шагов, каждый из которых соответствует общепринятому делению учения стоиков на три этапа: раннюю, среднюю и позднюю стую.

Этап 1. Иррационального нет, так как душа мира и человека – гармоничны.

На первом этапе мы можем наблюдать то, как человеческая душа в учении ранней стои сопоставляется с душой мира, которая, согласно Хрисиппу, является подвижной формой, пневмой. На первом этапе, таким образом, онтология и антропология стоиков находятся в своеобразном синкретизме. Учение о ценностях на данном этапе отсутствует, поскольку, даже говоря о страстях человека, Хрисипп апеллирует к человеческому разуму,

который в свою очередь восходит к разуму божественному: «Он считал, что страсти представляют собой суждения разума, “так, сребролюбие есть предположение, что деньги – это благо”» [4, с. 77].

Исследователь П. А. Гаджикурбанова на основании того, что разум в понимании историков сильно отличается от античного понимания разума, приходит к следующему выводу: «Стоики вовсе отрицают наличие в человеческой душе неразумной части или частей, с присущими им иррациональными желаниями» [Там же, с. 79].

Этап 2. Демаркация между оцениваемым и безусловным.

С. С. Аванесов в работе «К истокам философского учения о ценности: аксиология стоицизма...» указывает на ту линию, которой придерживался Гекатон, представитель средней стои. Автор утверждает, что Гекатон признавал различие блага (добродетели), с одной стороны, и «безразличного» (оцениваемого), с другой [1, с. 5]. Иными словами, онтологическая категория блага на этапе средней стои противопоставляется аксиологическим категориям.

Этап 3. Мир (бытие) противопоставляется ценностям.

Существуют две традиции осмысления поздней стои. А. Ф. Лосев утверждает, что стоики «удивляют чувством чрезвычайной слабости человеческой личности» [5, с. 33]; исследователь С. Н. Кочеров, дискутируя с данным тезисом, утверждает, что «мужество римского стоика было сродни отваге воина, который потерпел поражение (Сенека) или не может выиграть свою битву (Марк Аврелий)» [Там же, с. 32].

Тем не менее обе позиции по данному вопросу имеют некое общее основание: исследователи утверждают, что для стоиков было характерно усматривать в мире некую силу, которая противопоставлена личности. Личность же выстраивает собственный мир – мир ценностей, факт создания которого (в зависимости от авторской позиции исследователя) может быть маркирован как «слабость человеческой личности» либо как «мужество потерпевшего поражение».

На каждом этапе мы видим последовательное движение от игнорирования иррационального и оцениваемого к признанию за ними права находиться на одной чаше весов с рациональным и бытийственным.

Латинская же апологетика, которая являлась промежуточным этапом между античностью и патристикой, сместила акцент в область теории ценностей. Ряд примеров показывает, как происходит процесс парадигмальных изменений в проблеме рационального и иррационального.

Пример 1. Утверждение Феликса Минуция о предпочтении одних способов познания другим.

Сочинение «Октавий», единственное произведение, которое оставил Феликс Минуций, построено в форме диалога между язычником и христианином. Любопытно, что поиск оснований для принятия христианства в данном диалоге тесно связан с проблемой рационального и иррационального. В частности, язычник Цецилий, споря с христианами, утверждает, что быть последователем христианства абсурдно по нескольким причинам [8, с. 8]. Данные причины могут быть классифицированы следующим образом:

1. Христианство абсурдно с точки зрения теоретического разума.

Этот тезис связан с тем, что человеку не дано познать истинную суть вещей. Согласно Цецилию, «что выше нас, того для нас нет (*Quod supra nos nihil ad nos*) – таким должно быть последнее заключение человеческой мудрости» [8, с. 10]. Претензия же со стороны христиан на обладание истиной, разумеется, воспринималась языческими философами враждебно: внушительное число философских школ не могли найти то, на что претендуют не являющиеся философами христиане. Более того, рассуждая непредвзято, человек, по мнению Цецилия, неминуемо приходит к тому, что «истина сокрыта во мраке неизвестности, или же, что всего вероятнее, всем управляет <...> случай» [8, с. 6]. Таким образом, теоретический разум вследствие последовательных логических операций станет на точку зрения скептицизма.

2. Христианство неразумно с точки зрения практического разума.

Второй из аргументов Цецилия связан с тем, что практически ориентированное размышление неизбежно приводит к тому, что религия отцов, которая позволила римлянам осуществить ряд грандиозных завоеваний, является более истинной, чем религия с распятым Богом. Несмотря на теоретический скепсис, Цецилий рассуждает в духе Паскаля, предпочитая опираться на прагматические результаты веры, нежели на новые учения: «Если и ошибаюсь, я предпочитаю мое заблуждение вашему» [8, с. 8]. В качестве доказательства неразумности христианства Цецилий использует следующий аргумент: «Только один несчастный народ иудейский почитал единого Бога, но и то открыто, – имея храмы, жертвенники, священные обряды и жертвоприношения, впрочем, и этот Бог не имел никакой силы и могущества так, что был вместе с своим народом покорен римлянами» [Там же, с. 11].

3. Христианство нелогично с точки зрения рассудка.

Наконец, последний аргумент Цецилия базируется на том, что логика суждений христианских мыслителей включает ошибку, поскольку они в эсхатологии обещают смерть вечному и бессмертию переходящему: «Небу и звездам, которые мы оставляем в таком же виде, в каком их находим, они предвещают уничтожение, себе же – людям умершим, и разрушившимся, которые как рождаются, так и умирают, обещают вечное существование» [Там же, с. 17].

Мы видим, что язычник Цецилий апеллирует исключительно к рассудочным и рациональным формам познания действительности. Майоров, анализируя данный текст, отмечает следующее: «Утверждая непостижимость истины рациональными средствами, Цецилий невольно побуждает своего оппонента обратиться к средствам иррациональным, к вере» [7, с. 65].

Скептическому, историческому и логическому аргументам Цецилия Минуций противопоставляет следующее: скепсис язычников приводит лишь к пессимизму, взамен которому христианство готово предложить радостную для своих адептов эсхатологию; римские завоевания давно вызывали в жителях периферии далеко не чувство гордости, а наоборот, чувство угнетения и эксплуатации. Логическая же непостижимость таких частных вещей, как эсхатология, связана с невозможностью постичь самого Бога: с этой точки

зрения христианская теология времен апологетики была не менее негативной, чем теология оппонентов.

Очевидно, что Цецилий скорее вызывает к чувству, нежели к разуму. Но окончательного «разрыва» с разумом, почитаемым греками, в его философии не происходит, для многих догматов Цецилий ищет рациональное объяснение:

1) воскресение не является чем-то более сложным, чем многократное творение в философии греков, потому что создать что-либо заново еще более трудно, нежели воскресить существующее;

2) таинства евхаристии и крещения не имеют ничего общего с идолопоклонничеством, потому что данные таинства представляют собой не что иное, как символ.

Данные «потому что» – поиски рационального объяснения для догматов, обрядов и таинств – свидетельствуют о нежелании Минуция порывать с рациональной греческой традицией. Теолог ищет баланс между аргументами рациональными и апеллирующими к чувству. Однако уже в труде Минуция мы можем видеть, что в определенных случаях ценность одних способов познания выше, чем ценность других: порой правильные ответы может дать сердце, а не разум.

Пример 2. Тертуллиан утверждает, что лишь вера имеет право говорить о ценностях.

«Интеллигентская деликатность и спокойная рассудительность Минуция в оценке античной культуры сменяются у Тертуллиана бескомпромиссным критицизмом и эмоциональным отвержением», – утверждает Г. Г. Майоров [7, с. 68]. Философ солидарен с теми исследователями, которые подчеркивают непримиримое отношение Тертуллиана к греческому рационализму. Однако вопрос этот не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, роль, отводимая Тертуллианом разуму, малозначительна: страстная натура, которой являлся Тертуллиан (Н. П. Шок подробно развивает данную тему в одной из работ [12, с. 177]), не могла довольствоваться разумом хотя бы на том основании, что его достижения универсальны для всеобщей верификации и лишают личностного компонента обретенный человеком опыт.

Именно это привело Тертуллиана к сближению с монтанистами, а также к выбору полемического стиля сочинений. С другой стороны, более детальное изучение эпистемологии Тертуллиана позволяет нам судить о степени его учености, которая вовсе не свидетельствует об ограничении интересов Тертуллиана исключительно вопросами риторики и богословия. К примеру, Тертуллиан апеллирует к знаниям в области анатомии, медицины и физики, что говорит о большей степени вовлеченности, нежели та, которая зачастую приписывается автору формулы «Верую, ибо абсурдно» [7, с. 70].

В связи с данными аргументами мы можем утверждать не то, что разум, по мнению Тертуллиана, бесполезен и противоположен вере, но лишь то, что разум не может отстаивать свои права на истину в тех случаях, в которых мы имеем дело с ценностями.

Пример 3. Нравственное поведение как свидетельство мудрости в учении Арнобия и Лактанция.

Арнобий же и Лактанций, завершающие период латинской апологетики, могут быть рассмотрены в той строгой дихотомической системе Майорова, в которой вся апологетика делится на «эллинофилов» и «эллинофобов». «Положительное учение Арнобия... не добавило ничего нового к концепциям ранних апологетов», – пишет Г. Г. Майоров [7, с. 80]. Арнобий противопоставляет платонизм и сенсуализм, отдавая предпочтение последнему.

Арнобий совершает ряд довольно рискованных с точки зрения догматического христианства умозаключений. Например, о том, что душа человека в момент его рождения представляет собой чистый лист (*tabula rasa*). Арнобий хочет доказать беспомощность рационального способа познания мира тем, что человек без культуры и воспитания не может познать мир. Но, как подмечает Майоров, Арнобий также доказывает одно из основных положений французских материалистов. Ж. Ламетри, ссылаясь на Арнобия, задается вопросом: «Какое животное могло бы погибнуть среди изобилия воды и пищи?» и отвечает: «Только человек!» [6, с. 198] «Подобно старому ребенку, о котором вслед за Арнобием говорит один из современников, он не знает ни пригодной ему пищи, ни воды, в которой может утонуть, ни огня, могущего превратить его в пепел. <...> Итак, природа предназначила нам стоять ниже животных, чтобы тем самым особенно наглядно обнаружить чудеса, какие способны делать воспитание, которое одно поднимает нас над их уровнем и в конце концов дает нам превосходство над ними» [Там же, с. 198]. По словам Ламетри, у человека нет врожденных идей, по словам Арнобия – тоже. Однако материалист Ламетри делает вывод о том, что религия навязана человеку обществом, в том время как Арнобий утверждает, что религия – главный атрибут человека.

Следовательно, рационалистический метод сам по себе не подводит к суждениям веры, но требует нравственной предустановки, которая определит конечные умозаключения. Именно поэтому в системе «рационализм – иррационализм» благодаря Арнобию и Лактанцию появляются такие элементы, как «оптимизм» и «пессимизм». С точки зрения Майорова, именно эти элементы позволяют исследователю глубже проникнуть в концепции Арнобия и Лактанция [7, с. 83]. Так как Арнобий был последним представителем гонимого христианства, а Лактанций – первым представителем христианства торжествующего, дихотомия оптимизма и пессимизма может пролить свет на учение апологетов о рациональности.

Тезисы Лактанция звучат намного оптимистичнее, чем рассуждения Арнобия: никакая мудрость, согласно Лактанцию, не может быть достигнута без веры, равно как и вера не может быть достигнута без мудрости. Для Лактанция и вера, и мудрость являются достижимыми. Правда, для их достижения мало одного разума: иррациональный компонент в виде веры должен определять наше поведение для того, чтобы мы могли стать мудрецами.

Именно нравственность, по мнению Лактанция, является конечной целью мудреца: «Ведь если бы философия могла организовывать жизнь, то

никто не был бы добрым, кроме философов» [7, с. 84]. Однако добрые люди существуют, более того, они существуют не в рядах античных мыслителей, которых Лактанций клеймит за «вспыльчивость, жадность, сладострастие, надменность и дерзкость» [Там же, с. 85]. На этом основании Лактанций отказывает языческим философам в праве называться мудрецами, но утверждает, что этим правом может обладать лишь Тот, Который был «смиреным, спокойным, жалким и безобразным» [Там же, с. 86]. Нравственность Христа, таким образом, впервые называется критерием истины Его учения.

Компаративный анализ критериев рационального и иррационального в периоды древнегреческой философии и латинской апологетики позволяет сделать выводы о тенденции развития данных понятий. Греческая философия исходила из бытийственного способа анализа рационального и иррационального, в то время как в апологетике мы видим смещение акцента в сторону аксиологии. Ценностное восприятие, проявлявшееся в отказе от разума в пользу веры у Тертуллиана, во введении понятий «оптимизм» и «пессимизм» в эпистемологии Арнобия и Лактанция, равно как и обращение Минуция к вере как к феномену более ценному, нежели разум, свидетельствуют о существенных изменениях в картине мира философов и теологов.

Список литературы

1. *Аванесов С. С.* К истокам философского учения о ценности: аксиология стоицизма (понятия о добродетели и о надлежащем) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 5–8.
2. *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. СПб. : Пневма, 2003. 688 с.
3. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
4. *Гаджикурбанова П. А.* Стоическая теория аффектов // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 76–89.
5. *Кочеров С. Н.* Римский стоицизм как соединение этической теории и моральной практики // Этическая мысль. 2016. № 1. С. 31–45.
6. *Ламерти Ж. О.* Сочинения. М. : Москва, 1983. 2-е изд. 509 с.
7. *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии: Латин. патристика. М. : Мысль, 1979. 269 с.
8. *Минуций Ф. Октавий* // Сочинения древних христианских апологетов. СПб. : Алетейя, 1895. 85 с.
9. *Мудрагей Н. С.* Очерки истории западноевропейского иррационализма. М. : Наука, 2002. 109 с.
10. *Платон.* Полное собрание сочинений в одном томе. М. : Альфа-книга, 2013. 1311 с.
11. *Рассел Б.* История западной философии : в 2 т. М. : Миф, 1998. Т. 2. 987 с.
12. *Шок Н. П.* Доксография Тертуллиана и ее значение для истории естествознания. Часть 1 // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6. С. 176–181.

Axiological Attitudes in the Interpretation of the Rational and Irrational in the Works of Latin Apologetics Scholars

R. R. Balandina, E. V. Kuzmina

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article aims at demonstrating significant differences in the perception of rationality and irrationality in the works of ancient Greek philosophers and philosophers of the period of Latin apologetics. The authors conducted a comparative analysis of the works of ancient and Latin philosophers. The analysis revealed that the Greeks solved the problem of the ratio of the rational and the irrational in an ontological way, while the Latins shifted the focus on the problem to the axiological dimension. The article presents the correlation of three examples of ontological orientation of pagan philosophy with three examples of axiological orientation of Latin theology of the apologetic period. The research methodology is based on the combination of historical-functional and comparative analyses. The works of N. S. Mudragey, where the validity of the use of the concepts "rational" and "irrational" in relation to ancient philosophy was proved, provided the methodological basis of the study, as well as the works of G. G. Mayorov, who actually was the first to consider Latin apologetics as a system with a clear tendency from hellenophilia to hellenophobia. The works of ancient Greek philosophers provided the theoretical basis of the study, as well as the works of Lactantius, Arnobius, Tertullian, and Minucius.

Keywords: reason, faith, rational, irrational, apologetics, axiology, ontology.

For citation: Balandina R.R., Kuzmina E.V. Axiological Attitudes in the Interpretation of the Rational and Irrational in the Works of Latin Apologetics Scholars. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 128-137. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.128> (in Russian)

References

1. Avanesov S.S. K istokam filosofskogo uchenija o cennosti: aksiologija stoicizma (ponjatija o dobrodeteli i o nadlezhashhem) [To the sources of the philosophical doctrine of value: the axiology of Stoicism (concepts of virtue and the Proper)]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2005, no. 287, pp. 5-8. (in Russian)
2. Antiseri D., Reale J. *Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnei. Antichnost' i Srednevekov'e* [Western philosophy from its origins to the present day. Antiquity and the Middle Ages]. Saint Petersburg, Pnevma Publ., 2003, 688 p. (in Russian)
3. Aristotle. *Sochinenija v 4 tomah* [Essays in 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1976, vol. 1, 550 p. (in Russian)
4. Gadzhikurbanova P.A. Stoicheskaja teorija affektov [Stoic theory of affects]. *Ethical thought*, 2005, no. 6, pp. 76-89. (in Russian)
5. Kocherov S.N. Rimskij stoicizm kak soedinenie jeticheskoi teorii i moralnoj praktiki [Roman stoicism as a combination of ethical theory and moral practice]. *Ethical thought*, 2016, no. 1, pp. 31-45. (in Russian)
6. Lamerti Zh. O. *Sochinenija* [Essays]. 2nd ed. Moscow, Moscow Publ, 1983, 509 p. (in Russian)
7. Mayorov G.G. *Formirovanie srednevekovoj filosofii: Latin. patristika* [Formation of medieval philosophy: Latin. Patristika]. Moscow, Mysl Publ., 1979, 269 p. (in Russian)
8. Minucius F. Octavius. *Sochinenija drevnih hristianskih apologetov* [Works of ancient Christian apologists]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1895, 85 p. (in Russian)
9. Mudragey N.S. *Očerki istorii zapadnoevropejskogo irracionalizma* [Essays on the history of Western European irrationalism]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 109 p. (in Russian)
10. Platon. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [The complete collection of works in one volume]. Moscow, Alpha-book Publ., 2013, 1311 p. (in Russian)

11. Russell B. *Istorija zapadnoj filosofii* [The History of Western Philosophy. In 2 vols] Moscow, Myph Publ., 1998, vol. 2, 987 p. (in Russian)

12. Shok N.P. Doksografija Tertulliana i ejo znachenie dlja istorii estestvoznaniija [Doxography of Tertullian and its significance for the history of natural science]. Part 1. *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 2013, no. 6, pp. 176-181. (in Russian)

Баландина Розалина Руслановна

магистрант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

e-mail: rrzaynullina@stud.kpfu.ru

Balandina Rozalina Ruslanovna

Master's Degree Student

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation

e-mail: rrzaynullina@stud.kpfu.ru

Кузьмина Елена Владиславовна

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

e-mail: bossloko1@yandex.ru

Kuzmina Elena Vladislavovna

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation

e-mail: bossloko1@yandex.ru